

Баки подался и сгрёб Стива в медвежьем объятии, зацеловал, куда придётся — как только тот бочонок не выронили? Видать, крепко Стив его держал. Счастье, что Баки чувствовал внутри, распирало его и едва не рвало на клочки. Он всё никак не мог привыкнуть и поверить, что они теперь — одно целое.

— Так что? Попробуешь? Или боишься, что полыни подложил? Могу тебе сверху на больное место полить, — задорно смеялся Стив.

И Баки попробовал пару глотков. И ещё немного. И снова несколько... пока не почувствовал себя так легко и славно, будто он вот-вот оторвётся от земли и полетит, подобно бабочке. Пенный мёд был густым, терпко-сладким, с невозможно приятным, чарующим горькотравным послевкусием. Баки пил и не мог насладиться, пока Стив воинственно не отобрал у него бочонок, выпивая своё и немного проливая на лейне. Они не успокоились, пока не прикончили мёд до конца... и что тут началось! Баки, если начистоту, плохо помнил. Но так хорошо и беззаботно он себя никогда не чувствовал. Словно они со Стивом снова стали детьми — носились полуголые, а потом и вовсе голые по поляне, кололи дрова, собирали букеты цветов и плели венки для волчат, дурачились, сидели у огня, наслаждаясь теплом и покоем в объятиях друг друга. Ночью, кажется, прыгали через костёр и даже поспорили, кто сможет по темноте пройти к Ванде. Баки точно помнил, что дошли. Вот только та с порога дала им от ворот поворот — мол, проспите сначала, а с утра приходите, тогда и будем разговоры разговаривать. Так они и ушли, не добившись её компании. Поутру Баки еле-еле себя добудился, с трудом вспоминая, как им пришлось возвращаться назад по тёмному лесу, да и лежали они со Стивом странно: на одном ложе, и Стив посапывал поперёк него, крепко обнимая, словно Баки нёс-нёс его на руках, да под самый конец сомлел, хорошо, что лежанка под спиной оказалась. Баки тихонько фыркнул, запуская пятерню в лохматые и торчащие волосы Стива. В них запутались остатки пожухлого венка и несколько еловых иголок — память о лесе Ванды. Почему-то, после Драконьих Зубов он не мог уже называть её Алой Ведьмой. Что-то между ними всеми поменялось. Неуловимо, но прочно стало другим. Что-то произошло с ними, и всего за одну смену луны они стали чувствовать друг друга так хорошо, что порой Баки стоило лишь подумать, как Стив уже подхватывал. И наоборот. Стиву было достаточно посмотреть, как Баки схватывал на лету. Ощущение это немного пугало, но удовольствия, всё же, приносило больше.

Тем же вечером, закончив распяливать на просушку последнюю шкуру, вымазанные в дубильном растворе с ног до головы, они ушли мыться к лесному озеру. Берёза-плакальщица стояла на своём крутом бережку, покачивая плетями длинных веток, они плескались на своём, пологом. Стив уже закончил, Баки же стоял и задумчиво тёр себя пучком пахучей травы, что дал ему Стив. Как вдруг тот подкрался к нему сзади и прижался обнажённым телом к обнажённому. У Баки сразу соски встали и озноб прошёл по коже — не от прохлады пролетевшего ветерка. Крепкое, тонкое тело Стива было сильным и тёплым, все мысли стремительно потянулись прочь из головы. Прижавшись к спине теснее, Стив отобрал у него траву и принялся тереть сзади — шею, руки и плечи, всю спину сверху донизу, а после, совсем уж бесстыдно — его зад. Баки не понял, как то вышло, но Стив сгрёб в ладонь его мошонку, поперекачивал в пальцах, прежде чем отпустить, и принялся медленно, но очень уверенно ласкать член. Баки глянул, как Стив застыл перед ним на коленях, как алым горят его уши и щёки, от вида этого закусил губу и прикрыл глаза. Ещё миг назад он видел, как в вечерних сумерках проступают на небе первые неясные точки звёзд, и вдруг — блаженная темнота, заостряющая его ощущения до невозможности терпеть.

Стив неуверенно, но очень старательно взял в рот головку — её как жаром опалило, Баки вздрогнул всем телом и испустил стон. Как Стив почему-то остановился. Баки открыл глаза: Стив сидел перед ним с затуманенным взором, и выглядел пугающе — словно был не тут. Баки ласково погладил его по голове, тревога поднялась в сердце:

— Стив?

Не было дела до обделённой вниманием плоти. Баки всегда боялся, когда на Стива находило видение. Воспоминания о месяце после Самхейна были ещё свежи и будоражили страхом потери.

— Стив? — повторил он настойчивее, опускаясь рядом на колени, трогая щеку ладонью. И, слава обеим ликам Богини, тот очнулся.

— Да. Я просто... видел уже это. Тогда, когда... Твой человек привёл меня в твой шатёр.

Баки почувствовал, как язык внутри рта встал колом. Даже дышать стало тяжело. Он судорожно втянул носом и прошептал:

— Прости меня... За всё зло, что я причинил тебе, прости меня...

Стив мотнул головой, взгляд его ещё туманился, а губы были такими яркими, что невозможно было отвести глаз.

— Я не о том, — ровным, как не своим голосом ответил он. — Когда тот человек привёл меня к тебе, я только посмотрел в твои глаза — и что-то случилось. Я стал видеть то, чего никогда не видел, и значение чего не мог понять. Я видел это — и озеро, и тебя, и себя... и видел, как я... люблю тебя. И когда ты заставил меня открыть рот, там, в палатке, и начал брать насильно, а за пологом ждали очереди твои воины... я просто не мог понять — как это возможно? И почему такое мне уготовано? Зачем ты так со мной поступаешь, если, я видел своими глазами, однажды мы окажемся здесь и будем любить друг друга со всем жаром и искренностью, зачем это всё?

Баки тяжело вздохнул. Хотелось обнять Стива, да он не чувствовал, что может. Вина, накатившая волной, была тяжела — и никаким мольбам о прощении не уменьшить её.

— Стив, я...

Стив встрепенулся — как очнулся ото сна. Наклонился и сам обнял — обеими руками, крепко.

— Я знаю. Никто не ведает тропы Богини. Да и никто не знает всех её троп. Она, может, и сама не знает, по какой захочет повести нас. Что мы можем?

Баки наклонился и робко поцеловал его в висок. Обнял ладонью за шею, примкнул лбом к холодному, мокрому лбу.

Многое было сделано. И ничего из того не воротишь. О чём тут говорить?

Обтерев Стива куском старого полотна, Баки помог ему с лейне — тот уже начинал дрожать от холода. Кое-как оделся сам, ветер и темнота были ему не помеха. Они побрели домой, покачиваясь и подпирая друг друга. Вездесущие волчата следовали за ними по пятам, прячась в кустах. Баки хотел скорее оказаться вместе под большой тёплой волчьей шкурой, укутаться и ждать рассвета.

Ни голова, ни безрукое плечо у него с тех пор никогда не болели.

<http://erolate.com/book/3459/83658>